

Введение

Изучение идеологических процессов как у нас в стране, так и во всем мире сталкивается со значительными трудностями. Это, прежде всего, их универсальность, т. е. присутствие, в скрытом или явном виде, практически во всех видах социальной деятельности, своего рода размытость этого феномена. В этом идеология аналогична другим обобщенным средствам обмена – деньгам, влияниям, ценностным приверженностям, политической власти. Она, также как и эти символические посредники, выполняет функцию интеграции (или дезинтеграции) общества, является частью социетальной системы. Эта ее доминирующая функция, разумеется, дополняется остальными (адаптации и мобилизации, формирования и поддержания образца, целеполагания и целереализации). Тем не менее, аналитически можно развести исследование идеологии как системы идей, с одной стороны, и как системы институтов, с другой: комплексы идей, институционализируясь, обретают относительно самостоятельное существование в социальной системе, в которой, в свою очередь, формируются институты генерирования, трансляции и воспроизводства идеологии.

К тому же, чаще всего ни субъекты идеологического воздействия (высказывания), ни его объекты, т. е. те, на кого нацелено это воздействие, как правило, не отдают себе отчета в «идеологичности» своих действий. Настоящие авторы идеологических акций и инноваций остаются, как правило, неизвестными публике; известны только «актеры», их озвучивающие. С этим связана и неоднозначность определения идеологии в общественных науках. Существует множество подходов к ее пониманию и попыток ее определения, о чем ниже будет сказано подробнее. Кроме этого, общественное сознание, к которому относится феномен идеологии, а также процессы исторического изменения сознания носят многослойный характер. Под поверхностью быстрых изменений лежат глубинные «идееносные» пласты сознания, изменения в которых имеют другие временные измерения и протекают гораздо медленнее. Асинхронность изменений в разных пластах порождает отставания поверхности сознания или, наоборот, забегающие вперед в отношении более глубоких общественно-политических и

социально-экономических процессов, что, с одной стороны, приводит к неэволюционным сдвигам, а с другой, обуславливает инерционность и обратимость углубленных преобразований.

Идеологические процессы можно изучать с точки зрения социологии, философии, лингвистики, психологии, политологии. При этом в современном мире особую важность обретает исследование неявных идеологических форм, бессознательной составляющей идеологии. В такой латентной форме идеология присутствует во всей культуре: в политике, образе жизни, экономике, праве, искусстве, науке, в философском исследовании.

В современном российском обществе происходит неформальная реабилитация идеологии, как в текстах власти, так и в отношении населения к идейным инициативам. Конституционный запрет на огосударствление идеологии и объективная ее неустранимость создают определенные коллизии. В постсоветский период общество как раз и столкнулось с реальными границами деидеологизации, нарушение которых ведет к ослаблению интеграции социума и затрудняет процесс адаптации индивидов к изменчивым социальным ситуациям, совершенно дезориентируя их.

На социетальном уровне идеологическая конструкция «перехода к инновационному развитию» приобретает формат *мегапроекта*. Наряду с особыми возможностями, такого рода проекты несут с собой и повышенные риски в ситуации пересмотра основ техногенной цивилизации, критики инженеризма и проектного сознания. Суть проблемы в скорости изменений: в условиях исчерпания истории догоняющих модернизаций отставания становятся необратимыми, а *точки невозврата* страна проходит уже сейчас. При этом в идеологии перехода от сырьевой экономики к инновационной все время пропускается «середина»: а именно, необходимость «реиндустриализации в постиндустриальную эпоху» путем создания соответствующей институциональной среды. Неосозанным остается следующий момент: эта задача решается в условиях, когда сырьевая экономика автоматически воспроизводит институциональную среду, для производства крайне неблагоприятную, а для инноваций губительную. Очевидно, что осознание этого в системе идей (т. е. реализация определенных идеологических усилий) есть неизбежное условие решения этой задачи, а, следовательно, и перелома отмеченной губительности ситуации

институциональной среды. Иначе, чем изменением доминанты в упомянутой системе идей, изменить ситуацию невозможно, любые «хорошие», «правильные» решения без соответствующей идеологической трансформации будут неэффективны.

История самого понятия идеологии достаточно недавняя. В традиционном обществе, очевидно, идеология выступает в форме религии. При этом сама религиозная идеология, т. е. теология и мифология, обладает высокой степенью интеграции и обеспечивая такую же степень интеграции социума. С ослаблением действенности самой религии другие социокультурные институты берут на себя исполнение роли идеологии в более явной форме. В частности, в этом постепенно все большее участие принимает философия.

Первым развернутым эскизом исследования идеологии можно считать учение Ф.Бэкона об «идолах разума». Однако само понятие идеологии ввел французский философ А.Д. де Траси (конец XVIII в.) в работе «Этюд о способности мыслить» и в четырехтомном труде «Элементы идеологии». Идеология здесь понималась как наука об идеях, как метатеория общественных наук, как руководство для практической государственной деятельности. Она создавалась в качестве основы политического, педагогического, нравственного мышления. Это был стиль решения социальных и культурных проблем, предложенный Просвещением – искать надежные основания в понятиях и законах (в «идеях») разума.

Понятие идеологии оказалось особо востребованным в XIX–XX вв., прежде всего, в марксизме. Но здесь оно уже употреблялось несколько в ином значении; марксизм – это экономический детерминизм, поэтому и идеология здесь понимается не как самостоятельно существующая система идей, а как «ложное сознание», полностью определенное материальными интересами классов, как орудие классовой борьбы. Государство воплощает идеологию реальных интересов господствующего класса, выдавая ее за «всеобщее благо», все остальные слои общества вынуждены действовать в интересах этого господствующего класса. За всякой общественной теорией стоят определенные интересы, согласно К.Марксу. Такое «заинтересованное», ангажированное, как сказали бы позднее, мышление он и называл идеологией.

Впоследствии именно вокруг этой заданной темы и концентрировались размышления относительно идеологии. Таким образом, негативное отношение к идеологии – явление недавнее и оно само идеологически заряжено.

Значимый поворот в понимании идеологии осуществил К.Мангейм, который снял ограниченность экономического детерминизма, расширив его до социального в широком смысле слова. Он также утверждал, что всякое мышление обусловлено социальными позициями его носителей, но не сводил их к экономическим. Существуют, помимо социально-экономических детерминант, еще и сложившиеся системы предубеждений, «тотальных идеологий», выражающихся в том или ином стиле мышления, которые определяют не только содержание мнений, но даже саму логику. В книге «Идеология и утопия» он показал как «духовные образования» оппозиционных классов, являющиеся утопиями, превращаются в идеологии, когда эти классы из оппозиционных переходят в разряд господствующих. Он не отбросил понятие «ложного сознания», он иначе его интерпретировал, для него это отстающее от развития действительности сознание, использующее устаревшие категории, и поэтому вводящее в заблуждение. Иными словами для Мангейма это сознание скорее ошибочное, неадекватное, чем лживое.

Нельзя не отметить в истории этого понятия также сюжет с провозглашением «смерти идеологии». В этом случае акцент ставился именно на коннотации «ложного сознания». Э.Шилс, Д.Белл, С.Липсет, Р.Арон и др. выдвинули эту идею. Тогда было модно говорить «о смерти...» того или другого (философии, эстетики, истории и т. д.). Они полагали, что научное знание, обладающее, по их мнению, объективностью и истинностью, может предоставить механизмы, например, правовые, решения социальных конфликтов. Тогда потребность в идеологии отпадает. Но диагноз поставили неправильно, и она осталась жить в полном здравии. Впоследствии эти авторы сами отказались от идеи «конца идеологии», деидеологизации, поскольку глобализация по-новому поставила этот вопрос: идеология создает мир (значений), внутри которого все согласны на определенные правила. Вторая половина XX в. вообще есть время смешанных идеологий, и эта ситуация осмыслялась в постструктурализме и постмодернизме как проблема языка, идеологическая борьба понималась как борьба интерпретаций.

Возможно, самый современный идеологический мегапроект – это глобализм. Основной его постулат – общечеловеческие ценности, главные из которых сохранение жизни индивида, равенство всех перед законом, доступ к участию в политической жизни, свобода слова и вероисповедания, демократия. В основном, это ценности либерализма, предлагаемые в качестве всеобщих. Конечно, это идеология в чистом виде со всеми теми смыслами, которые вызрели в объеме этого понятия за предшествующее время. Это также и информационный инструмент установления власти, господства над менее защищенными в идеологическом плане странами. Осмысление проектного характера глобализма было предложено П.Рикёром в книге «Лекции об идеологии и утопии». Он проследил полный цикл, проходимый «проектом идеология»: интеграция, социализация и интеграция на новом уровне или гибель. Любое частное событие, сообщение может послужить поводом для интеграции, пуском процесса социализации и выходом на новый уровень интеграции. В этом смысле, проект глобализации осуществляется чисто виртуальными средствами, которые имеют несоразмерные с используемыми инструментами реальные последствия.

Предлагаемый читателю сборник посвящен самым разным аспектам изучения идеологических процессов; к сожалению, в нашей стране эта область знания оказалась вне сферы внимания общественных наук, причина чего состояла в том, что само отношение к идеологии было, можно сказать, идеологическим. Из-за монополии точки зрения марксизма непредвзятые исследования этих процессов были сильно затруднены. Но, тем не менее, и в научном исследовании, а тем более, в философском осмыслении «догоняющая тактика» (т. е. воспроизведение уже отработанных схем понимания) ведет к необратимым последствиям, к идеологической зависимости. Главный императив философского подхода к проблеме – самостоятельность мышления. Этому императиву, как нам кажется, следуют авторы нашего сборника.

А.В. Рубцов, Т.Б. Любимова